

УДК 94.47

Оськин М.В.¹

**ТРУД ВОЕННОПЛЕННЫХ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ: ДЕРЕВНЯ
ТУЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(1914 – НАЧАЛО 1917).**

Международная полицейская академия ВПА, г. Тула

Os`kin M.V.

**LABOR OF PRISONERS OF WAR IN AGRICULTURE: A VILLAGE OF TULA
PROVINCE DURING THE FIRST WORLD WAR (1914 – EARLY 1917).**

WPA International Police Academy, Tula

Аннотация: в силу сельскохозяйственной ориентированности российской экономики, состояние аграрного сектора в народном хозяйстве империи играло ведущую роль. Одной из основных проблем в годы Первой мировой войны в русской деревне стала нехватка рабочей силы. Затягивание конфликта и новые призывы привели к истощению рабочих рук в крестьянском и особенно помещичьем хозяйствах. Труд военнопленных частично компенсировал эту нехватку, что позволило стране продолжать мировую борьбу. Тульская губерния, как и прочие регионы Российской империи, также получила свою долю внедеревенской рабочей силы.

Ключевые слова: Первая мировая война, рабочие руки, военнопленные, сельское хозяйство, Тульская губерния.

Abstract: due to the agricultural orientation of the Russian economy, the state of the agricultural sector in the national economy of the empire played a leading role. One of the main problems during the First World War in the Russian countryside was the shortage of labor. The prolongation of the conflict and new appeals led to the exhaustion of workers in peasant and especially landlord farms. The labor of prisoners of war partially compensated for this shortage, which allowed the country to continue the world struggle. Tula province, like other regions of the Russian Empire, also received its share of the non-rural labor force.

Keywords: The First World War, workers, prisoners of war, agriculture, Tula province.

Начало Первой мировой войны летом 1914 г. не вызвало особенных затруднений в жизнедеятельности российской деревни. Высокие закупочные цены на продовольствие для

¹ Оськин Максим Викторович – доктор исторических наук, профессор кафедры психологии, педагогики и гуманитарных дисциплин Международной полицейской академии ВПА

армии, «пайковые» деньги для семей призывников, соседские «помочи» тем односельчанам, чьи семьи испытывали нехватку работников после первых призывов – эти факторы способствовали стабилизации сельского хозяйства Российской империи. Соответственно, деревня могла исправно исполнять свои обязанности в отношении продовольственных усилий страны в военное время.

Затягивание военных действий и неизбежность новой кампании, что стало понятно глубокой осенью 1914 г., побудило региональные власти заранее побеспокоиться о положении вещей в сельском хозяйстве. Главной проблемой, вставшей перед деревней в годы войны, стала обстановка с трудовыми ресурсами, так как продолжавшиеся призывы начинали исчерпывать свободную рабочую силу, и все больше хозяйств оставалось с минимумом рабочих рук (всего в годы войны из села было взято более 11 млн. чел., а передано пленных – 640 тыс.). В перспективе это угрожало сокращением посевов в крестьянском и, прежде всего – во владельческом хозяйстве, функционировавшим за счет найма на работы. Между тем, именно оно давало большую часть товарного хлеба, требовавшегося для снабжения фронта и тыла.

Уже 23 января 1915 г. тульский губернский предводитель дворянства Р. Д. Еропкин сообщил губернатору А. Н. Тройницкому, что «ввиду призыва на военную службу ратников ополчения 1-го разряда за 12 лет и набора молодых солдат в текущем январе месяце – сельское население Тульской губернии остается почти без работников и не будет иметь возможности своевременно обрабатывать свои поля». Еропкин предложил губернатору походатайствовать в Петрограде «об отпуске для Тульской губернии на летнее время для обработки полей необходимое число военнопленных исключительно славянского происхождения». Тройницкий, 7 февраля отправив эту просьбу, указал, что «рассчитывать на оставшихся рабочих едва ли возможно, так как последние будут заняты обработкой как своих, так и оставшихся у призванных на военную службу полей». Между тем, большинство тульских крестьян доставляет «контингент сельскохозяйственных рабочих у частных землевладельцев». Тем не менее, успехом эти просьбы не увенчались – 10 февраля губернатор ответил Тульской губернской земской управе, что пленных у него в распоряжении нет (ГАТО. Ф. 90. Оп.1. Д. 39815. Л. 1–3).

Поток просьб с мест оказался велик, и 28 февраля 1915 г. император Николай II утвердил «Правила об отпуске военнопленных на сельскохозяйственные работы», согласно которым губерния могла получить пленных, но не более 10 тыс. человек. Отвечавшее за контроль над пленными Главное управление Генерального штаба (ГУГШ) 14 марта запросило Тулу о нужном количестве пленных «для каждой уездной земской управы отдельно», время

и место сдачи их, «имена уполномоченных, в ведение коих должны быть сданы военнопленные». Через неделю Тройницкий ответил, что губернии требуется минимум 1 837 пленных. Поуездный запрос заключался в следующих цифрах: Тульский уезд – 49 чел., Алексинский – 140, Богородицкий – 273, Белевский – 32, Веневский – 462, Епифанский – 142, Ефремовский – 330, Каширский – 300, Крапивенский – 200, Новосильский – 500, Одоевский – 48, Чернский – 200 (ГАТО. Ф. 90. Оп.1. Д. 39815. Л. 25–27, 33).

Весной 1915 г. были установлены следующие условия передачи военнопленных в сельское хозяйство: плата – 6 руб. в месяц, из коих $\frac{1}{2}$ выдавалась пленному на руки, а $\frac{1}{2}$ высылалась в уездную управу «на расходы, связанные с нахождением военнопленных в уезде». (Спустя год плата понизится на рубль). Ежедневный паек пленного составлял 3 фунта (фунт – 410 граммов) печеного хлеба, $\frac{1}{2}$ фунта пшена или крупы, 4 фунта картофеля, $\frac{1}{2}$ фунта «доброкачественного свежего мяса, исключая сред и пятниц, а по средам и пятницам по $\frac{1}{4}$ фунта подсолнечного масла, этого же масла для каши ежедневно 4 золотника». Пленные распределялись почти исключительно по помещичьим имениям, так как, во-первых, именно они давали товарный хлеб, а во-вторых – лишь в имениях имелись сторожа, ибо «других лиц в качестве сторожей найти решительно не представляется возможным ввиду призыва населения мужского пола по мобилизации» (ГАТО. Ф. 90. Оп. 1. Д. 39850. Л. 2–2об., 14–15). В то же время в волостные правления поступила масса ходатайств солдатских семей на привлечение пленных на работы в их хозяйства – спрос на пленных всегда значительно превышал их количество [5, с. 269].

Великое Отступление 1915 г. сильно понизило возможный для применения в народном хозяйстве контингент пленных (противник наступал, и пленных было очень мало), в то время как потери действующей армии требовали постоянного восполнения резервистами. Последним крупным успехом русской армии стало падение в марте крепости Перемышль, давшей более 100 тыс. пленных. В итоге, 14 июля ГУГШ сообщило: «в настоящее время во всех округах империи контингент трудоспособных пленных, как славян, так и прочих национальностей полностью уже использован на разного рода работах», а потому ходатайства об их отпуске удовлетворяться не будут. Довести до сведения всех, чтобы не слали ходатайств (ГАТО. Ф. 90. Оп.1. Д. 39815. Л. 122). Тогда же Тройницкий предписал использовать труд пленных и в праздничные дни (ГАТО. Ф. 90. Оп. 1. Д. 39814. Л. 2).

В начале августа 1915 г. губернатор запрашивал уездные управы, какое число пленных славян может быть заменено на работах венграми и немцами, так как ГУГШ требует образования «особого резерва пленных для назначения их на срочные работы на угле горнопромышленных предприятий Юга России». В угольную промышленность во избежание

саботажа отправляли только славян, снимаемых с других работ, в том числе и из сельского хозяйства. Отвечая на запрос, уездные управы сообщили, что часть пленных и так – мадьяры, и когда их давали, то многие землевладельцы протестовали, и «мадьяры эти были распределены только потому, что других национальностей пленных не было»; «заменить славян немцами никто из владельцев не соглашается, не имея возможности с ними говорить». Получив негативные ответы, 23 августа Тройницкий доносил в штаб Московского военного округа, что Тульская губерния является поставщиком хлеба для армии, а плохая погода и дожди, при нехватке рабочих рук, могут привести к гибели хлеба. Поэтому замена пленных славян немцами и венграми «представляется совершенно нежелательной и невозможной, так как славяне уже зарекомендовали себя хорошими работниками и уживчивыми людьми, а к немцам отношение населения не только отрицательное, но даже весьма враждебное». Помимо того, придется тратить время на обучение новых пленных полевым работам, одновременно преодолевая языковой барьер (ГАТО. Ф. 90. Оп.1. Д. 39815. Л. 127–132, 135, 156–158).

Зимой 1916 г. из-за Урала в Центральную Россию двинулись остававшиеся в лагерях военнопленные – преимущественно немцы и венгры, ранее к работам не привлекавшиеся и состоявшие под жандармским надзором [4, с. 90]. Необходимость изыскания дополнительных трудовых ресурсов вне деревни [3, с. 76], побудила власти решиться на этот непопулярный шаг. Циркуляр министра земледелия А. Н. Наумова от 4 февраля 1916 г. «О восполнении убыли рабочих рук в сельском хозяйстве» предусматривал пополнение пленными, в том числе 120 тыс. немцев и венгров, которые ранее в сельском хозяйстве не использовались. Помимо того, к деревенским работам предполагалось привлечь солдат тыловых гарнизонов – «обеспечить прилив к сельскохозяйственным работам в наиболее горячую их пору около 200–250 тыс. чел.», и беженцев. В целом в Министерстве рассчитывали на 1 млн. чел. (Известия Министерства земледелия. 1916. № 7. С. 140).

К этому времени отношение к использованию труда военнопленных в деревне категорически изменилось. Справедливо, что «можно констатировать объективную потребность в рабочих руках военнопленных в сельском хозяйстве как трудоемкой отрасли народного хозяйства. Недополучение урожая могло иметь катастрофические последствия как для фронта, так и для тыла страны» [1, с. 63]. В связи с тем, что командующие военными округами разрешили привлекать тыловиков к работам на срок не более 4 недель, землевладельцы предпочитали получить любых пленных, даже немцев, венгров и турок. Расчеты на беженцев были минимальны, так как «у большинства беженцев тенденция помогать приютившим их хозяевам» (ГАОО. Ф. 4. Оп. 3. Д. 7426. Л. 9).

Следствием нехватки рабочих рук в сельском хозяйстве стал жесткий подход к их

трудоуому учету и применению. До весны 1916 г. пленных на работы давало ГУГШ, куда и надо было обращаться регионам. Теперь Министерство земледелия проводило погубернскую разверстку, исходя из уровня товарности той или иной губернии, а военное ведомство – лишь рассылало пленных по распределению министра земледелия. В свою очередь, губернские совещания отправляли полученных пленных по уездам в распоряжение уездных земских управ (ЦГА Москвы. Ф. 2261. Оп. 1. Д. 298. Л. 7). Отдельные ходатайства в ГУГШ и иные военные учреждения теперь уже не удовлетворялись.

В Министерстве земледелия констатировали, что «в связи с обстоятельствами военного времени во всех губерниях, в сельских местностях наблюдается острая нужда в рабочих руках, вызывающая опасения хозяев за возможность произвести посевы и уборку урожая». Соглашением министерств земледелия, внутренних дел и военного «в целях посильной помощи в этом деле... было решено оставить сельским хозяевам всех военнопленных (до 260 тыс.), находящихся у них ныне на работах, и кроме того направить на эти работы весь свободный и трудоспособный контингент пленных». Но последний – всего около 120 тыс. чел. Вследствие их малочисленности, пленные «были разверстаны между 29 губерниями в зависимости от развития в них хлебопашества и наиболее острого недостатка рабочих рук, уже вызвавшего заметное сокращение посевной площади». По этой разверстке Тула получила 2 тыс. пленных, в дополнение к тем 4,5 тыс. пленных, что уже работали в губернии. Помимо того, «Министерством земледелия было возбуждено перед Штабом Верховного главнокомандующего ходатайство о предоставлении на сельскохозяйственные работы тех военнопленных, которые были затребованы для работ на фронте, но еще туда не доставлены» – 25 тыс. пленных из-за Урала. Император согласился, но большая часть из этих 25 тыс. чел. отправлялась в хлебородные Херсонскую, Таврическую и Екатеринославскую губернии. Тем не менее, благодаря ходатайству члена Государственного Совета князя А. Н. Лобанова-Ростовского 3 тыс. чел. обещали дать в Тулу. Прибыть они должны были в середине лета, и тогда в Тульской губернии на работах стало бы уже 9,5 тыс. пленных. Однако, как постановило Министерство земледелия, эта цифра окончательная – «сделанными распоряжениями окончательно исчерпан весь состав военнопленных и ни одного свободного пленного сейчас не имеется. Поэтому никаких распоряжений к дальнейшему увеличению числа их, назначаемого в отдельные губернии, последовать не может» (ГАТО. Ф. 90. Оп. 1. Д. 40078. Л. 7–8).

Циркуляр Министерства земледелия на места от 23 марта четко определил, что сельское хозяйство имеет «первенствующее значение» и потому «все работоспособные военнопленные, состоявшие в распоряжении военного ведомства, ныне полностью

распределены между 33 губерниями, куда и будут срочно доставлены для сельскохозяйственных работ. Кроме того, на сельскохозяйственные же работы будут направляться и новые военнопленные, по мере их поступления с фронта, а равно и те, которые будут освобождаться с других работ. Таким образом, ни в настоящий момент, ни в ближайшем будущем ни один военнопленный на работы, кроме сельскохозяйственных, предоставлен не будет». Отсюда следовало: «1). рассчитывать в текущем году на увеличение числа военнопленных на работы ведомства отнюдь нельзя; 2). указанные работы должны быть выполнены ныне находящимся на них наличным составом военнопленных, который должен быть сохранен на работах до полного их окончания и 3). в случае сдачи военнопленных военному начальству по окончании только части работ, в надежде на получение впоследствии новых партий, сданные военнопленные будут направлены на сельскохозяйственные работы и возвращены на работы ведомства не будут и новые на эти работы не поступят» (ГА РФ. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 12. Л. 8).

Всего весной 1916 г. в Тульскую губернию было назначено 5 тыс. пленных, которые к маю уже были «разверстаны по уездам и переданы в распоряжение земских управ». В мае А. Н. Тройницкий просил дать еще 17,1 тыс. пленных «для полевых работ», но ГУГШ ответило, что «согласно Высочайшего предуказания, весь трудоспособный контингент военнопленных предоставлен в распоряжение Министерства земледелия для обращения на сельскохозяйственные работы». Вот в Тулу и было назначено 5 тыс. пленных (ГАТО. Ф. 90. Оп. 1. Д. 40093. Л. 6, 9, 12).

Таким образом, весенние расчеты на использование внедеревенской рабочей силы опирались на наличное число военнопленных, и увеличения их не предполагалось. Однако, начавшийся 23 мая Брусиловский прорыв резко изменил ситуацию – десятки тысяч пленных потекли в русские тылы, и Министерство земледелия теперь могло пополнить свои «запасы». Понимая обстановку, региональные власти стали немедленно делать запросы на дополнительные трудовые контингенты. Например, телеграмма из Тулы министру земледелия от 27 мая (на 4-й день с начала прорыва!) настаивала на присылке новых пленных: «состоявшееся сегодня Собрание председателей губернской и уездных земских управ, узнав о взятии в плен 13 тыс. врагов, убедительно просит прислать в Тульскую губернию хоть тысячу пленных, преимущественно румын-австрийцев для сельских работ, ввиду недостатка рабочих рук». Ответная телеграмма сообщила, что пока «все новые военнопленные задержаны для фронтовых губерний, которые при повсеместном недостатке рабочих рук несут особую рабочую повинность для фронтовых потребностей, испытывая неизмеримо больший недостаток сельскохозяйственной рабочей силы, сравнительно с внутренними

губерниями». Осторожность Министерства земледелия заключалась в том, что ни в Ставке Верховного командования, ни в штабе самого А. А. Брусилова еще не могли дать оценку первым итогам наступления Юго-Западного фронта. Но уже 1 июня А. Н. Наумов телеграфировал в Тулу, что если пленных смогут дать во внутренние губернии, то в Тульскую губернию предназначено 3 тыс. человек. Поэтому следовало «весьма срочно распределить их по соглашению с губернской земской управой между уездами и немедленно телеграфировать в Дарницу Киевской губернии начальнику сборного пункта военнопленных, а также в Петроград в Главное управление Генерального штаба, на какие железнодорожные станции или паромные пристани и какое число на каждую должно быть доставлено, предупредив уездные управы срочно подготовиться к принятию военнопленных немедленно по их прибытии». Тройницкий рассчитывал передать 100 чел. в распоряжение алексинского земства, богородицкое должно было получить 188 чел., белевское – 100, веневское – 342, епифанское – 300, ефремовское – 450, каширское – 400, крапивенское – 207, новосильское – 246, одоевское – 121, тульское – 156, чернское – 190. Тульское губернское земство – 200. Итого – 3 тыс. чел. (ГАТО. Ф. 90. Оп. 1. Д. 40093. Л. 13–18).

Действительно, как только высшему командованию стало ясно, что австрийские армии разбиты на всем фронте наступления, и пленные исчисляются уже десятками тысяч, Министерство земледелия получило уведомление о получении им рабочих рук в сельское хозяйство империи. Уже 28 мая министр земледелия просил у Брусилова 60 тыс. пленных для южных губерний. 30 мая Ставка сообщила, что из числа взятых пленными 19 тыс. отправляется в сельское хозяйство: в Херсонскую и Таврическую губернии – по 5 тыс.; по 2 тыс. – в Полтавскую, Харьковскую, Курскую и Орловскую губернии; еще 1 тыс. – в Смоленскую губернию. Пока Юго-Западный фронт брал пленными, на них поступали наряды от различных приемщиков. К 1 июня уже имелись наряды на 34 тыс. пленными славян и 38 тыс. немцев и венгров. Помимо славян, пленными немцев и венгров также отправляли на работы – по 3 тыс. чел. в Черниговскую, Воронежскую, Тамбовскую, Тульскую, Рязанскую, Тверскую, Полтавскую, Харьковскую, Курскую, Орловскую губернии (РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 50. Л. 46–53, 91). Действительно, при отправлении пленными на работы в регионы, военное ведомство старалось соблюдать примерное равенство в выделяемом числе людей. В результате, земледельческие губернии получали столько же людей, сколько и промышленные, что вызывало нарекания регионов [2, с. 122].

Увеличение притока военнопленных повышало аппетиты региональных властей. 3 июня 1916 г. Тула попросила еще 5 тыс. пленными. Первоначально Министерство земледелия отказывало – на следующий день почтотелеграмма Наумова на места сообщила, что пока

новые требования удовлетворяться не будут: «1). все до последнего трудоспособные военнопленные уже заняты на работах первейшей для страны важности, причем около половины – на работах сельскохозяйственных. 2). все новые поступления военнопленных с фронта предназначены для фронтовых губерний, производящих наибольшее количество хлеба и фуража, поставляемого в армию в непосредственной с ней близости, и притом несущих особую рабочую повинность для фронтовых работ, отвлекающую громадное число рабочих рук». Однако, 4 июня с Дарницкого пункта было отправлено в Тулу 2 тыс. военнопленных венгров и немцев. Губернатор сообщал тульской губернской земской управе, что по прибытии пленных на Сызрано-Вяземский вокзал, надо «произвести врачебный осмотр, больных поместить в военные лазареты, здоровых вымыть зеленым мылом, а платье их дезинфицировать и затем направить в воинские бараки, откуда без замедления разослать по уездам под конвоем от местных войск». В самой Туле – «озаботиться доставлением пищи пленным, а по уходе их в уезды – дезинфицировать бараки» (ГАТО. Ф. 90. Оп. 1. Д. 40093. Л. 28, 44).

Телеграммами 20 и 25 июня Тройницкий напомнил Наумову, что обещали дать 3 тыс. пленных, а дали лишь 2 тыс., и просил прислать как можно скорее остальных обещанных пленных, так как «нужда в рабочих руках крайняя». 8 июля Наумов разъяснил ситуацию, согласно которой Тула не получила третью тысячу пленных. Во-первых, «дальнейшее увеличение этого числа невозможно, так как ранее данные наряды о доставке военнопленных на работы первейшей для страны важности, в том числе на сельскохозяйственные в 32 губернии, превысили всё поступление пленных по сей день». Между тем, первоочередные наряды требуют 313 тыс. чел. – 240 тыс. в сельское хозяйство и 73 тыс. – «для срочных работ – фронтовых, железнодорожных и каменноугольных». До 1 июля Дарницкий пункт отправил 118 994 пленных в сельское хозяйство (вместо 240 тыс.), а остаток – на срочные работы – 48 тыс. вместо 73 тыс. – «соответственно размеру ежедневного подхода военнопленных в Дарницу, производится дальнейшее выполнение первоочередных нарядов». По данным ГУГШ, на 17 июня 1916 г. в тыл поступило 169 тыс. трудоспособных пленных, в то время как наряды уже превысили цифру в 256 тыс. (РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 50. Л. 96).

Тульский губернатор попытался действовать через МВД, которое, запросив Министерство земледелия, 14 июля телеграфировало Тройницкому, что в Тульской губернии уже находится 11 641 пленный: с 1915 г. оставалось 4,5 тыс.; до 1 мая 1916 г. прибыло еще 5 141; вместе с прибывшими из Дарницы 2 тыс. пленных – 11 641 человек. МВД указало, что «этим количеством представленных пленных, по всей вероятности, и придется ограничиться в стремлении в мере возможности, облегчить нужду в рабочих руках сельских хозяев этой

губернии, так как данные уже военному ведомству наряды о доставке пленных на работы фронтовые, по постройке железных дорог и по добыче каменного угля, вместе с нарядом о доставке в 32 губернии на сельскохозяйственные работы 240 000, значительно уже превысили поступление с фронта по сей день, ввиду чего военное ведомство лишено возможности исполнять вновь сообщаемые наряды» (ГАТО. Ф. 90. Оп. 1. Д. 40093, Л. 115–116, 134–136, 143–144).

Невзирая на, казалось бы, значительное количество австрийских военнопленных, которое могло бы получить народное хозяйство страны, летом 1916 г. ситуация с рабочими руками продолжала оставаться неудовлетворенной. Во-первых, русские потери Брусиловского прорыва потребовали своего восполнения, вследствие чего в войска потекли новые волны призывников – и их число неизменно превосходило число взятых пленных. Во-вторых, масштабное развертывание военной промышленности также требовало рабочих рук, что вынуждало переводить их на заводы за счет недопоставки в сельское хозяйство.

Например, Богородицкая уездная земская управа 22 июня сообщала губернатору, что «вследствие отсутствия рабочих рук, некоторые участки с хлебом должны остаться неубранными. Во избежание такого нежелательного явления, уездная земская управа вновь обращается с покорнейшей просьбой к Вашему превосходительству оказать ей со своей стороны содействие к скорейшему получению военнопленных для удовлетворения землевладельцев, крайне нуждающихся в настоящее время в рабочих, так как время для уборки хлебов уже наступает». Дополняя обозначенную проблему, вице-губернатор В. Н. Шеншин 5 июля жаловался в Министерство земледелия, что штаб Московского военного округа отправил на оружейные заводы Тульской губернии 950 пленных, а «между тем, уборка хлеба не ждет, может погибнуть урожай». Через две недели Шеншин вновь просил МВД передать в сельское хозяйство всех возможных пленных из промышленности и из распоряжения воинских начальников, так как «Тульская губерния из-за недостатка рабочих рук во время уборки урожая оказалась в отчаянном положении». А именно: 2 тыс. пленных были даны в южные уезды, где уборка началась раньше, а 4 северных уезда совсем пленных не получали, так как им предназначалась так и не предоставленная 3-я тысяча пленных. Например, вневский уезд просил 1,3 тыс. пленных, а не получил ни одного. Отчаявшись на заступничество гражданских ведомств, А. Н. Тройницкий решил действовать напрямую. В середине июля он отправил в Дарницу и Киев члена губернской земской управы Т. А. Лебединского «для исходатайствования немедленной присылки военнопленных для сельскохозяйственных работ в Тульскую губернию, коих обещано прислать тысячу человек и дополнительно крайне желательно еще не менее 3 тыс. чел., ибо в противном случае урожай

не может быть собран и сгниет в полях» (ГАТО. Ф. 90. Оп. 1. Д. 40093, Л. 145–146, 163).

Таким образом, на примере Тульской губернии можно видеть, к каким ухищрениям прибегало региональное руководство, чтобы добиться удовлетворения своих требований и расчетов. Это и переписка с Министерством земледелия, распределявшим наряды на рабочие руки. Это и жалобы в Министерство внутренних дел, которому напрямую подчинялись губернаторы. Это и лобовая атака на военных – поездки региональных уполномоченных в Киевский военный округ, где сосредоточивались военнопленные, взятые Юго-Западным фронтом. Помимо прочего, использовался сословный дворянский лоббизм – упомянутое выше ходатайство в Государственном Совете (не будет лишним упомянуть, что князь Лобанов-Ростовский в свое время являлся председателем Совета такой консервативно-монархической организации как «Русское Собрание»). Наконец, в начале августа тульский губернский предводитель дворянства, один из основателей правомонархического Объединенного дворянства тайный советник Р. Д. Еропкин напрямую обратился к премьер-министру Б. Д. Штюрмеру: «Непрекращающиеся дожди задерживают окончание сенокоса, вызывают полегание ржи и овса и не дают возможности приступить к уборке ржи, а там, где она начата, поднять хлеб». Осенью цена на рабочие руки вырастет, что «должно быть принято во внимание при предстоящем утверждении предельных цен на все хлеба, дабы сельское население, испытывающее ныне большой недостаток рабочих и терпящее от этого громадные убытки, не было вынуждено несправедливо низкими твердыми ценами уменьшить запашку ржи, а особенно овса весной будущего года». Еропкин просил Штюрмера отсрочить призыв ратников до 15 сентября, иначе часть зерна погибнет, что удорожит себестоимость зерна крестьянину (РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 1294в. Л. 8).

Тем не менее, и заступничество премьер-министра отнюдь не всегда могло способствовать успеху ходатайства. В воюющей стране львиная доля власти сосредоточивалась в Ставке, фактическим руководителем которой при номинальном Верховном главнокомандующем императоре Николае II являлся его начальник штаба М. В. Алексеев. Осенью 1916 г. дошла очередь и до этой, наверное, реально высшей, инстанции. Телеграмма Алексееву из Тулы от 9 октября гласила, что чрезвычайное Тульское губернское дворянское собрание «постановило возобновить ходатайство об оставлении в Тульской губернии всех находящихся в настоящее время на сельскохозяйственных работах военнопленных, ввиду того, что еще не окончена выборка картофеля, копка свеклы и обмолочено лишь небольшое количество хлеба, который начал уже переедаться появившимся в громадном количестве мышами... затем предстоит сортировка зерна, подвоз сена, хлеба и дров, вывозка навоза, корм и уход за лошадьми, необходимыми для работ по производству

зерна и уход за скотом, необходимым для питания армии, населения и удобрения полей навозом, без которого слабая качеством земля Тульской губернии ничего родить не может. Также посильная починка пришедшего в ветхость крайне необходимого инвентаря, без которого нельзя будет производить весенних полевых и прочих работ, нужных для удержания хозяйства от полного расстройств. Все эти весьма необходимые сельскохозяйственные работы должны быть выполнены обязательно зимой, за недостатком этого времени летом по причине крайне ограниченного числа рабочих рук...». Всех военнопленных в сельском хозяйстве в Тульской губернии – 12 450 чел., а взято в действующую армию трудоспособного населения – 138 667 человек. К тому же, 60 тыс. мужчин и женщин заняты на оборонных заводах (РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 549. Л. 71–77).

Появление данной телеграммы было вызвано тем обстоятельством, что осенью 1916 г., по мере прекращения полевых работ, М. В. Алексеев предложил передать пленных на зимнее время из сельского хозяйства в другие отрасли. Особое Собрание по обороне государства 9 сентября сняло из сельского хозяйства 28% пленных (155 тыс.), передав их в ведение Министерства торговли и промышленности, Министерства путей сообщения и морского министра. Однако, в Ставке не учли, что осенние призывы изъяли из деревни столько новых призывников, что для окончания уборки (смотри перечисление сельских работ в тульской телеграмме) рабочих рук катастрофически не хватает. В результате, когда в декабре новый министр земледелия А. А. Риттих объявил хлебную разверстку, она не была выполнена. Лишь накануне Февральской революции временно сменивший заболевшего Алексеева на посту Начальника штаба Верховного главнокомандующего В. И. Гурко в докладе императору от 8 февраля 1917 г. поставил вопрос об возврате этих 155 тыс. пленных в сельское хозяйство (ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 673. Л. 10–10об.).

Весь год центральные власти настаивали на том, чтобы пленные использовались для нужд народного хозяйства. Больные, негодные к труду, имеющие нетрудовые (например, врачебные или музыкальные) навыки и проч. – такие пленные нередко «выпадали» как трудовой ресурс. Затруднения в рабочей силе в начале 1917 г. с большей энергией усиливали намерения Центра. Теперь весь потенциал должен был использоваться в народном хозяйстве империи и прежде всего – в деревне. Так, циркуляр МВД на места от 13 февраля 1917 г. указывал, что, по имеющимся сведениям, «некоторыми из земских и городских управ военнопленные привлекаются к выполнению обязанностей санитаров в больницах и лазаретах. Возложение такого рода обязанностей, в большинстве случаев доступных женской прислуге, на военнопленных, совершенно не отвечает установленным началам применения труда их в качестве рабочей силы, подлежащей использованию, главным образом, в целях

усиления производительности страны». Надо – заменить пленных женщинами, закончив это дело к 1 апреля – «чтобы отчисленные от больниц и лазаретов пленные могли быть переданы в сельские хозяйства к самому началу весенних полевых работ» (ГАТО. Ф. 2260. Оп. 1. Д. 70. Л. 143–144).

В Тульской губернии, равно как и в большинстве других регионов, пленные использовались больше всего в сельском хозяйстве. В 1916 году число военнопленных, занятых на различных работах в Тульской губернии, начиная с конца весны, постоянно возрастало, увеличившись вдвое с около 10 тыс. до почти 20 тыс. человек. Еще 8 марта 1916 г. ГУГШ распорядилось, чтобы каждые полмесяца регионы присылали сведения о числе военнопленных, в том числе на работах в сельском хозяйстве. Это указание неизменно выполнялось, начиная с первого отчета губернатора А. Н. Тройницкого от 21 мая (ГАТО. Ф. 90. Оп. 1. Д. 40076. Л. 15, 28, 44, 57, 69, 89, 104, 128, 175, 199, 232, 259, 356; Д. 40078. Л. 230; Ф. 2260. Оп. 1. Д. 70. Л. 95):

Количество военнопленных на работах в Тульской губернии в мае 1916 – феврале 1917 гг.

| Дата | Сельское хозяйство | Другие работы |
|--------------|--------------------|---------------|
| 1 мая 1916 | 8 912 | 1 515 |
| 15 мая | 8 939 | 1 383 |
| 1 июня | 8 976 | 1 389 |
| 1 июля | 10 869 | 1 773 |
| 15 июля | 10 729 | 1 824 |
| 1 августа | 11 207 | 2 605 |
| 15 августа | 12 065 | 4 634 |
| 1 сентября | 12 299 | 4 833 |
| 15 сентября | 12 270 | 4 872 |
| 1 октября | 12 450 | 4 837 |
| 15 октября | 11 924 | 5 210 |
| 1 ноября | 11 074 | 5 156 |
| 15 ноября | 11 123 | 5 388 |
| 15 декабря | 10 889 | 5 887 |
| 1 марта 1917 | 11 325 | 7 691 |

После Февральской революции цифра особенно не изменилась. По данным штаба

Московского военного округа, в Тульской губернии к октябрю 1917 г. на работах состояло около 18 400 пленных (ГАТО. Ф. 2260. Оп. 1. Д. 55. Л. 19). Это – около 12% от численности призванных на фронт туляков.

Таким образом, в годы Первой мировой войны, в связи с массовыми мобилизациями в действующую армию, слабо механизированная и аграрно-ориентированная экономика Российской империи постоянно нуждалась в рабочих руках. Для восполнения убыли рабочей силы использовались солдаты тыловых гарнизонов, молодежные трудовые бригады (студенты и гимназисты), беженцы. Основным же контингентом, использовавшимся в народном хозяйстве, стали военнопленные, которые, конечно, не могли полностью заменить ушедших на фронт крестьян.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ)
2. Государственный архив Орловской области (ГАОО)
3. Государственный архив Тульской области (ГАТО)
4. Известия Министерства земледелия. 1916. № 7.
5. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)
6. Российский государственный исторический архив (РГИА)
7. Центральный государственный архив г. Москвы (ЦГА Москвы)

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абдрашитов Э.Е. Восприятие крестьянским сообществом немецких и австро-венгерских военнопленных в 1914 г. (на примере Казанской губернии) // Вестник РУДН, серия История России. – 2014. – №3. – С. 62–69.
2. Белова И.Б. Первая мировая война и российская провинция. 1914 – февраль 1917 г. – М., 2011. – 283 с.
3. Иконникова Т.Я. Военнопленные 1-й мировой войны на Дальнем Востоке России (1914–1918). – Хабаровск, 2004. – 177 с.
4. Люкшин Д.И. Вторая русская смута: крестьянское измерение. – М., 2006. – 133 с.
5. Ничков Е.А. Иностранные военнопленные в экономике Курганского уезда во время Первой мировой войны // Первая мировая война и судьбы народов Центральной и Юго-Восточной Европы: очерки истории. – М., 2015. – 678 с. – С. 263–278.

REFERENCES (transliteration)

1. Abdrashitov E.E. Vospriyatie krest'yanskim soobshchestvom nemeckih i avstro-vengerskih voennoplennyh v 1914 g. (na primere Kazanskoj gubernii) // Vestnik RUDN, seriya Istoriya Rossii. – 2014. – №3. – S. 62–69.
2. Belova I.B. Pervaya mirovaya vojna i rossijskaya provinciya. 1914 – fevral' 1917 g. – M., 2011. – 283 s.
3. Ikonnikova T.YA. Voennoplennye 1-j mirovoj vojny na Dal'nem Vostoke Rossii (1914–1918). – Habarovsk, 2004. – 177 s.
4. Lyukshin D.I. Vtoraya russkaya smuta: krest'yanskoe izmerenie. – M., 2006. – 133 s.
5. Nichkov E.A. Inostrannye voennoplennye v ekonomike Kurganskogo uezda vo vremena Pervoj mirovoj vojny // Pervaya mirovaya vojna i sud'by narodov Central'noj i YUgo-Vostochnoj Evropy: ocherki istorii. – M., 2015. – 678 s. – S. 263–278.

Рецензент: Гельфонд М.Л. – и.о. заведующего кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин Тульского филиала РЭУ им. Г.В. Плеханова, доктор философских наук, доцент